

СУГДЕЯ В "ТЕМНЫЕ ВЕКА"

Проблема положения Сугдеи в эпоху раннего средневековья, безусловно, нуждается в особом и пространным, обобщающем исследовании, которое до сих пор отсутствует, тем более, что оно увязывается с непростой и неоднозначной оценкой взаимоотношения Византии и Хазарии в Таврике в VII—IX вв. Их статус выглядит весьма противоречивым, даже загадочным и трудно объяснимым без признания этих отношений кондоминатными с конца VII в. и до 40-х гг. IX в., когда в Таврике была создана первая византийская фема с центром в Херсоне. До этого взаимоотношения Византии и Хазарии носили преимущественно мирный и дружественный характер. Каганат сохранял прочный, долговременный союз с Византией, а также заключил выгодный для обеих сторон договор о совместной борьбе против общего врага — арабов и о разделе сфер влияния в Закавказье.

В подобной ситуации Таврике, а значит, и Сугдее, вероятно, гораздо проще было оставаться зоной двойного владения обеих держав. Именно мирный, выгодный альянс с хазарами позволил Византии получить доступ к торговым путям в Китай, минуя контролируемую арабами территорию Ирана, что неминуемо отразилось на активизации северочерноморской торговли и посреднической роли византийских центров в Таврике. Сенсационными являются в этом плане результаты исследований находок компактного скопления более полутысячи византийских свинцовых печатей и заготовок к ним, которые были обнаружены начиная с 1977 г. в море, на глубине до двух метров, в бухте Лимена-Кале и при срытии берегового обнажения пляжа, на месте, где в портовой слободе Сугдеи VII—XI вв., вероятно, находилось аналогичное херсонскому здание византийской таможни и помещение с архивом, в котором хранились моливдовулы представителей имперской администрации, в том числе византийских чиновников таможенной и финансовой службы [*Sandrovskaja 1993, p. 85–98; Шандровская 1995, с. 120–122; Степанова 1995, с. 13–14; Баранов 1994, с. 51–52; Баранов, Степанова 1997, с. 83–84*]¹. В частности, печати логофетов, коммеркиариев апофик и императорских коммеркий VII—середины IX вв. свидетельствуют о прямых торговых связях, су-

ществовавших в это время у города с территорией северного побережья Малой Азии (провинциями Онориады, Пафлагонии, Понта, Опсикия), а также с Полемонием и столицей империи. Следует особо отметить, что каждая пятая из прочтенных 50 печатей судакского архива принадлежала архонтам Херсона и имела на лицевой стороне крестообразную монограмму с характерной тетраграммой *to so doulo*. Е.В. Степанова датирует все экземпляры таких моливдулов, числом не менее 11, IX в., однако надо учесть, что после середины столетия печати херсонских архонтов исчезают, будучи заменены печатями стратигов [Степанова 2001, с. 24; Степанова 2002, с. 231]. Обилие моливдулов херсонских архонтов указывает, вероятно, не только на активизацию политических и экономических связей архонтата с Сугдеей, но и на ее подконтрольный, зависимый статус от ромейских властей Херсона.

Только наличием режима кондоминиума можно объяснить, почему, согласно славянской и армянской версий Жития Стефана Сурожского, здесь разместился хазарский тумен во главе с военачальником — тарханом при одновременном сохранении византийских светских и церковных властей, причем случилось это не ранее конца 40-х гг. VIII в., учитывая международную политическую ситуацию, ожесточенные столкновения 730-х гг. с арабами, отвлекавшие все силы хазар, а также последовательность повествования агиографа [ср.: Иванов 2002, с. 42–43; Баранов 1994 а, с. 14; Баранов, Степанова 1997, с. 83–87]. Именно этим хазарам можно приписать оборудование языческого святилища с очагами на ритуальной площадке, покрытой слоем глиняной обмазки, известкового раствора и обнесенной четырехугольной оградой [Майко 2001, с. 41–42]. Оно было устроено во второй половине VIII в. около XV куртины, но, примечательно, за пределами оборонительных стен города. Вряд ли присутствовавший здесь хазарский тумен насчитывал 10 тыс. воинов, поскольку вся армия Хазар-Тархана во время войны с арабами в 738 г., когда решалась судьба государства, насчитывала 40 тыс. человек [Тортика 2002, с. 250–251]. Но даже менее значительный военный отряд, если он имел место, численностью в 1–2 тыс. человек, на какие обычно разбивалась кочевая армия, указывает на зажиточность Сугдеи и ее округи, способных обеспечить военный лагерь хазар. Такой город был в состоянии “творити позор или конем уристание” для своих жи-

телей и съезжавшегося окрестного люда, как об этом рассказывает пространное славянское Житие Стефана Сурожского, хотя В.Г. Васильевский, в целом доверявший источнику, видел в данном пассаже “слишком роскошный анахронизм”, сотворенный буйным воображением далекого агиографа [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. ССХХХХVII, 86. 25–26; гл. 16*].

Согласно другому, синаксарному греческому житию, написанному уроженцем города, знатоком местных преданий, в “славном городе Сугдее” в правление патриарха Германа (715–730) уже был собственный предстоятель. После его кончины сугдейские власти обратились в Константинополь за новым иереем, отчего сюда из столицы прибыл в “царском корабле” Стефан, первым получивший от патриарха Константинопольского здешний епископский престол (ton archieratikon thronon) [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 73–74, гл.2; с. 84, гл. 13; ср.: Гадло 1991, с. 100*]². Армянский синаксарный вариант жития подтверждает эти сведения и уточняет, что назначение Стефана “епископом митрополии Сугдеи” состоялось при патриархе Германе и императоре Феодосии (715–717) [*Le synaxaire 1930, p. 867*].³

Следовательно, в условиях системы византино-хазарского “двоевластия” наблюдалось постепенное, методичное упрочение как торгово-экономических связей, так и позиций ромейской Церкви в Таврике, которые пока не встречали противодействия со стороны хазар, очевидно, долгое время и не помышлявших о превращении здешних земель в некую “Крымскую Хазарию”. О том же свидетельствует образование отдельной Готской епархии, случившееся, в свете последних уточнений, очевидно, никак не ранее второй половины — конца VIII в. [*Герцен, Могаричев 1991, с. 121; Герцен, Могаричев 1998, с. 116–118; Герцен, Могаричев 1999, с. 110–115*]. Можно добавить, что рассказывая о происхождении Иоанна Исповедника, в будущем епископа Готфии, его агиограф называл местом рождения святого “эмпорий называемый Партениты”, расположенный в VIII в. на “заморской земле Тавроскифов”, но уточнял, что эта область — страна (ten chora) подчинялась “готфской власти” (ton Gotthon telouses), а не хазарам [*Житие Иоанна Готского 1912, с. 401*]. Причем автор древнегрузинской обработки Жития св. Андрея, написанного Епифанием, именовал Херсон “городом Готов”, очевидно, полагаясь на более ранние данные [*Хождение 1909, с. 271–272, 282*]. Византийские исто-

рики конца VIII — начала IX вв. тоже не относили центры Таврики к Хазарии [Сазанов 2002, с. 220–222].

Нет оснований считать, как это делают А.И. Айбабин, Ю.М. Могаричев, К. Цукерман, что Сугдея была основана хазарами в конце VII в. и “несомненно, входила в область хазарских владений” [Айбабин 1999, с. 194; Могаричев 2001, с. 269, 270; Цукерман 2001, с. 333]. Во-первых, к этому времени здесь уже существовал достаточно развитый ранневизантийский торгово-ремесленный центр — эмпорий, на что указывают археологические находки VI — первой половины VII вв., а во-вторых, хазарское общество было столь далеко от стадии урбанизации, что говорить об основании хазарами городов по меньшей мере странно. Предания самих сугдейцев тоже не связывали возникновение их города (to kas[t]ron tes sougddaias) с хазарами и относили его к 5720 году от сотворения мира (212 г.н.э.), если следовать тексту приписок 1296, 1345 и 1411 гг. на полях Сугдейского синаксаря [Архимандрит Антонин, 1863, с. 61–63]. Ни в греческой, ни в армянской, ни в славянской редакции Жития св. Стефана Сурожского не сказано о том, что проповедь новоназначенного епископа велась среди “инородцев”, “язычников — хазар”.

Вместе с тем, в Сугдее и ее пригороде жили не только греки и не только христиане. Униальной является упомянутая выше находка рядом с оборонительной стеной каменного капища башенного типа с круглым в плане, из крупных валунов алтарем, выложенным по радиусу пилеными блоками песчаника, и с мощеной камнем дорожкой, подводившей с южной стороны. Севернее куртины XV, по склону от крепости располагался небольшой зольник, который содержал обломки как гончарной византийской керамики, амфор с зональным рифлением, столовой посуды, так и лепные сосуды, горшки, в том числе аналогичные позднепеньковской керамике Поднепровья [Майко 1998, с. 130–131]. В свете остатков этой культовой постройки становится понятно, почему прибывшему в Сугдею грекоязычному Стефану пришлось общаться с некоторыми из обращавшихся к нему через переводчиков, знавших два языка [Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 85, гл. 15]. Видимо, именно так он мог “укреплять в вере верных и крестить неверных по всей этой языческой стране”, которая, впрочем, судя по находкам христианских храмов VIII — IX вв. в районе Судака, была

не столь уж языческой [*Le synaxaire 1930, p. 867; Гадло 1980, с. 137–140*]. Кроме того, послушать епископа и поговорить с ним приходил некий любимый преподобным “князь Юрий (Георгий) тархан”, который “по закону Божию правяще власть свою” [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 95, гл. 30*]. Если это и был тюрок, то крещеный, причем не обязательно Стефаном, ибо в таком случае составитель Жития не преминул бы упомянуть это лестное для его героя обстоятельство [ср.: *Баранов 1994 а, с. 28*].

Армянский синаксарный вариант Жития относит происходящее к правлению “Константина Коприна (Копронима), который правил с верой во Христа и с благочестием”, и уточняет, что хазарский царь Вирхор, отец жены Константина, хазарской принцессы Ирины, “в это время...жил в Керчи”, то есть Боспоре, который, учитывая свидетельства о наличии здесь византийского присутствия и церковных властей, являл собой, следовательно, такой же кондоминатный центр, что и Сугдея [подр. см.: *Сорочан 2001, с. 75–81*]. Хаган вызвал к себе “правителя Сугдеи, по имени Георгий, по фамилии Тархан”, но тот опасался идти, заявляя епископу Стефану: “Святой отче, царь зовет меня, и моя душа трепещет — зачем он меня призывает”, но святой успокоил его, объяснив, что “этот вызов — к добру”, что его зовут, чтобы женить, однако соединение его с этой женщиной “произойдет через три года и тогда же Георгий построит церковь во имя Святой Троицы” [*Le synaxaire 1930, p. 872–873*]. Следовательно, названный правитель несомненно христианин, который послушен воле Церкви, обладавшей в окраинных византийских владениях политической силой, не намного уступавшей светской власти. Он повинуется хагану, но делает это с оглядкой на византийского епископа. Все это тоже свидетельствует в пользу отсутствия серьезных столкновений между местными византийскими и хазарскими властями, действовавшими в Крыму в режиме соглашения о взаимном владении.

Константинопольское правительство желало быть уверенным в лояльности подданных своих заморских владений и пристально следило за всем происходившим там. В разгар иконоборчества не внушавший поначалу доверия епископ Сугдеи был отозван в столицу, куда его доставили на корабле специально посланные для этого императорские “воины-щитоносцы и исполнители судебных приговоров” (*synaspistas ... kai sympraktoras*) [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 75, гл. 3*]. Армян-

ский синаксарный рассказ уточняет, что это случилось незадолго до смерти Льва III в 740 г., когда Стефан, прибывший в столицу, вступил в конфликт с василевсом и попал в тюрьму, откуда был выпущен при Константине V благодаря заступничеству жены последнего, Ирины [*Le synaxaire 1930, p.871; Иванов 2002, с. 42*]. В 749 г. он крестил сына Константина, будущего Льва IV, и отплыл обратно в Сугдею на корабле царского флота, где застал появившегося к тому времени в городе Георгия Тархана и сугдейцев, как и ромеи, переживших к тому времени некие “трудные времена”, возможно, связанные с последствиями пандемии чумы 746–747 гг. [*Le synaxaire 1930, p.871–872; Иванов 2002, с. 43; ср.: Сорочан 1998, с. 34*]. Таким образом, “много испытал и вынесши”, Стефан со временем был вновь возвращен на прежнее место в прежнем сане, очевидно, сумев избавиться от опалы [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 76, гл.4*]. Уже сам этот факт заставляет заподозрить в Стефане не столь стойкого и ревностного почитателя икон, каким его иногда хотят представить исследователи [см.: *Беляев 1994, с. 61; Сухоробров 2002, с. 76–77*]. Очевидно, Сугдея была не большим “оплотом православия”, чем Херсон, власти которого, духовные и светские, тоже не хотели идти наперекор воли Константинополя и множить ряды мучеников — иконодулов.

Синаксарь из Минологии Василия II, составленной в конце X — начале XI вв., добавляет к этому интересные детали, рассказывая о расправе над наиболее стойкими амнимоневтами в середине 60-х гг. VIII в. Один из них, стратиот, был отправлен Константином Копронимом в Херсон. В этом оплоте иконоборцев, верных императорскому курсу, его едва не убили, и, чтобы спастись от расправы, он был вынужден бежать в соседнюю Хазарию, после чего якобы был поставлен там епископом⁴; Стефан же, якобы неколебимо исповедовавший ортодоксальное православие, невзирая на это, был освобожден из тюремного заточения и выслан в Сугдею, где будучи епископом, принес много выгоды, пользы (*pollous orphelesas*), надо понимать не только в деле крещения язычников, укрепления верных в вере, но и в посредничестве с хазарскими властями [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. ССIX; Аузеру 2000, p.326*]. Согласно синаксарному армянскому варианту Жития, он пробыл епископом 35 лет и умер в 70-летнем возрасте 15 декабря [*Le synaxaire 1930, p.874*]. Это могло произойти, исходя из раз-

ных сведений Жития, в период между 750–752 гг. и 765 г.⁵ Но в любом случае выходит, что под четырьмя заседаниями и определением Символа веры в актах VII Вселенского синода 787 г., вернувшего иконопочитание, стояли подписи одного из его преемников, тоже Стефана, “недостойного епископа города Сугдейского” (episkopos poleos sougdaon) [Darrouzes 1975, p.62–63; ср.: Труды В.Г. Васильевского 1915, с. CLXIII].

Видимо, влияние морской торговли оказалось весьма благоприятным для процветания города и формирования его в течение VII — IX вв. как провинциально-византийского торгового порта и промыслово-ремесленного центра [Баранов 1987, с. 20–21]. Все это время шло его развитие, которое завершилось, в целом, к X в., когда на северном широком склоне Крепостной горы разрослись террасированные кварталы с упорядоченной планировкой, обнесенные оборонительной стеной с башнями, а рядом с портом, по склонам балки сложилась ремесленная слобода [Баранов 1986, с. 244]. Здесь обнаружены эргастрии, датируемые второй половиной VII — первой половиной VIII в., а остатки их производства — на дне бухты Лимена-Кале и у подножья Крепостной горы. К ним относятся отходы бронзового, медного, серебрянного литья, обломки самих литейных форм, заготовки и пробные отливки пряжек, разнообразных нательных крестов, поясные бляхи, ювелирный лом и заготовки ювелирных украшений, золотая бижутерия для расшивки одежды, проволочные серьги, а также амфоры, посуда, в том числе стеклянная, отчасти, видимо, местного происхождения, на что указывает весьма примечательная находка в 1993 г. глиняного сосуда с застывшей стеклянной массой [Баранов 1987, с. 23–24; Баранов 1994а, с. 20; Баранов 1994, с. 49–50, рис. 1–3; Баранов 1994б, с. 41]. Обращают внимание также находки в бухте Лимена-Кале свинцовых крестов и моделей корабельных якорей, которые изготовлялись ремесленниками в качестве амулетов, оберегавших грузы и суда⁶. Освященные в церкви, они охотно приобретались моряками, которые, вероятно, бросали их в море на удачу. Среди находок оказались и непременные аксессуары торгового оборудования — большое количество византийских маркированных гирь, остатки весов — зигий, монеты, чеканенные в правление Льва III, Константина V, Феофила, торговые свинцовые печати из Сасанидского Ирана и Закавказья [Баранов 1994, с. 52]. Последние указывают на развитие в это

время посреднической торговли с Востоком, в которой Сугдея играла, видимо, не последнюю роль.

Нельзя не заметить, что оба Жития, краткое греческое и пространное славянское, изображают Сугдею как город с греческим, христианским обликом, в котором кипит деловая жизнь. Епископ Стефан излагал свои поучения, проповеди “не только в церкви, но и в домах и на торжищах”, причем приходившие слушать его “ремесленники оставляли свои дела, а строители городские свои строения” [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 85–86, гл. 15–16*]. В данном случае этот житийный штамп не противоречит археологическому материалу. Известно, что усиленное византийское строительство продолжало вестись в VIII в. даже на окраинах Судакской долины, то есть в пределах Сугдейской епархии [*Баранов 1990, с. 47, 55*]. Здесь же, на берегу бухты Нового Света, на склонах г. Перчем и в пос. Лесное действовали мастерские с большими двухярусными гончарными горнами для обжига амфорной тары VIII — X вв., бронзолитейные эргастии, на что указывают находки криц, известняковой литейной формы для изготовления колтов, остатки литейной печи, шлак [*Баранов 1994, с. 52, рис. 3, 4*].

Видимо, именно активным развитием обработки цветных металлов на основе привозной сырьевой базы объясняются поставки в Сугдею меди, свинца, имевшие место в это время. Кроме находок слитков на дне гавани города на это же указывает моливдул второй половины VIII в. или рубежа VIII — IX в. с оттиском имени Феофана халкопрата — торговца медными изделиями [*Шандровская 1997, с. 93; Шандровская 2000, с. 252–254, рис. 1: 6*]. Следует согласиться с издателем печати, что последняя могла быть прикреплена к деловому документу, сопровождавшему доставку груза меди или изделий из нее, либо сообщавшему об отсылке товара. Наконец, одна из приписок на полях Сугдейского синаксаря упоминает об обновлении (ta egkainia) кафедральной церкви города — св. Софии, “храма святого Бога Слова Премудрости в городе Сугдее в 6301 (793 г.)” (agias ou logu sophias polei sougdaia)⁷. По мнению А.И. Айбабина, этому легендарному храму соответствует самая большая из известных в Крыму трехапсидных базилик VIII в., открытая в 1978 г. в окрестностях Сугдеи. Расстояние между плечами ее центральной апсиды составляло 12 м, а стены, сложенные из крупных, грубо тесаных плит сланца, были уложе-

ны на “постели” [Баранов 1986, с. 243]. К сожалению, раскопки на этом месте не были продолжены и говорить о принадлежности строительных остатков кафедральному храму города следует с большой осторожностью, учитывая его нахождение далеко за пределами оборонительных стен. Но в любом случае, похоже, что пик злополучных “темных веков” был для сугдейцев и жителей округи, состоявших отчасти из крещенных, оседлых болгар, салтовцев, все же не самым плохим временем⁸. Если они и контактировали с хазарами, это было эпизодично, непоследовательно, как и хазарское военное присутствие, о котором опять-таки молчат летописные источники, хронографы, повествующие о походе князя Бравлина, повоевавшего в конце VIII или первой половине IX вв. земли “от Корсуня до Корчева” [Труды В.Г. Васильевского 1915, с. CXLII — CXLIII, 95, гл. 53; Горский 1844, с. 191–196].

Когда согласно свидетельствам пространного славянского Жития Стефана Сурожского, Кубасовского хронографа и одной из поздних редакций Новгородской летописи, “Русь из Нова града” во главе с князем Бравлином в правление василевса Михаила III, в 6360 г (851 / 852 г.) (по другим версиям — в самом конце VIII в. или в первой четверти — первой половине IX в.), после десятидневных сражений ворвалась в Сугдею, “силою изломив железнаа врата”, это был греческий город, причем с богатыми церквями, такими как кафедральный храм св. Софии с гробничным мартирием епископа Стефана [Труды В.Г. Васильевского 1915, с. CXLII — CXLIII, 95, гл. 53; Горский, 1844, с. 191–196; Бобринский 1905, с. 106–107]⁹. Разбив двери храма, захватчики нашли на гробе святого царские одежды, “и жемчуг и злато и камень дорогой, и кадила злата и сосудов златых много” [Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 95]¹⁰. Сама цель похода — “повоевать Греческую землю (то есть византийские владения — С.С.) от Херсона и до Корчева” (Боспора), ограбить эти места, указывает на то, что северные соседи Романии, кто бы они ни были, знали о благоприятном состоянии хозяйственного развития южных районов Таврики, где можно было пожить не только зерном и невыделанными шкурами. Еще раз следует подчеркнуть, что в представлении агиографов и летописцев это была греческая, а не хазарская или печенежская земля.

Л.Н. Гумилев полагал, что нападение воинов Бравлина, которых он вслед за Г.В. Вернадским, М.И. Артамоновым, А.Г. Кузьминым отождествлял с русами — ругами, выходцами из Южной Прибалтики, было инспирировано ромейской дипломатией, как удар по хазарам, но оказалось крайне неудачным, ошибочным ходом, поскольку повлекло разгром церковей Готии и усиление позиции иудаизма в Хазарии [Гумилев 1989, с. 124–127; ср.: Анохин 1996, с. 168–170]¹¹. Однако стал ли этот вражеский рейд столь разрушительным, пострадал ли сам Херсон или Боспор? Ведь источники говорят о временном, непродолжительном захвате византийской территории “от и до”, но не самих городов¹². Если учесть, что ромейские города рассматривались вместе с прилегающими землями как одно целое, тогда выражение “от Херсона до Боспора” означает только территорию, находившуюся в значительной части в распоряжении сугдейцев и, судя по обилию печатей херсонских архонтов IX в., контролировавшуюся херсонскими властями [Степанова 2001, с. 24]¹³. Кроме того, войдя в Сугдею с мечом, Бравлин принял там же крещение со своими воинами, что следует расценить как успех ромейской дипломатии, и сделал богатые приношения — вернул наиболее ценное церквям “в Корсун и Корчи и везде” вместе с пленными мужчинами, женщинами, детьми, захваченными “от Корсуня до Корча”, после чего ушел, “и град и люди и попов почтив” [Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 96].

В Сугдее, центре, возможно, уже архиепископии, в это время шло какое-то общественное, культовое строительство, с которым связаны остатки известнякового карниза с плохо сохранившейся греческой надписью, шрифт которой сравним с надписью 70–80-х гг. IX в. из фракийской Месемврии [Соломоник 1991, с. 177–178, № 4]¹⁴. Раскопки городища богаты находками белоглиняной поливной посуды IX — X вв., а в многоярусных погребениях того же времени, в частности в четырех типично византийских каменных склепах с коробовым сводом возле куртины XIV, где были похоронены, судя по поминальной надписи на штукатурке, знатные сугдейцы — христиане, встречаются остатки разнообразных по своему рисунку византийских и импортных шелковых тканей, расшитых золотой и серебряной нитью [Баранов 1990, с. 80, 107, 154–156; Баранов 1994 б, с. 38]¹⁵. Следовательно, отсутствие с середины IX в. среди моливдулов из архива Сугдеи печатей имперских коммер-

киариев при одновременном появлении здесь печатей стратигов Херсона может свидетельствовать не о сокращении торговли и резком падении ее значения в жизни Сугдеи, а о переходе ее во второй половине IX — X вв. под контроль властей новообразованной фемы в лице херсонского стратига и подчиненных ему херсонских коммеркиариев, печати которых, напротив, появляются в херсонском сфрагистическом архиве как раз с середины IX в. [см.: *Stepanova 1999*, p. 47–58; *Stepanova 2001*, p. 67; *Степанова 2001*, с. 21, 24–28; *Булгакова 2002*, с. 37–41].

Вероятно, прежде всего именно обоюдное развитие тесных связей империи с Херсоном, Сугдеей, Южной, Юго-Восточной Таврикой и Боспором, который окончательно покинули хазары, стало основной причиной очередной стабилизации жизни края с конца IX в. [*Якобсон 1964*, с. 58 сл.]¹⁶.

Таким образом, ни остатки материальной и духовной культуры города, греческие, провинциально-византийские в своей массе, ни наличие следов властного вмешательства византийской администрации, ни роль крупнейшего христианского религиозного центра на крымской земле не позволяют согласиться с заявлением о том, что в 30–40-е гг VIII в. Сугдея якобы была захвачена болгарами и превратилась в “столицу Крымской Хазарии”, каковой — праболгарской — оставалась до 40-х гг. X в., когда была разгромлена хазарскими войсками под предводительством Песаха в отместку за поддержку городом союзных Византии войск русов во главе с Хелгу (Халгу) [ср.: *Баранов, Майко 2000*, с. 83–84]¹⁷. Если это и была своеобразная “столица”, то лишь юга Таврики, на которую ромейские власти с конца VII в. до 30-х гг IX в. смотрели вместе с хазарам как на кондоминатную территорию, а затем целиком забрали под контроль империи.

Примечания

¹ Мнение о создании этой таможни ...хазарами (sic!) выглядит полной нелепостью [см.: *Айбабин 1999*, с. 205]. Совместная с ромеями эксплуатация этого, действительно, важнейшего торгового порта региона предусматривала обоюдное согласие сторон на любое нововведение фискального характера, что, очевидно, и было достигнуто.

² В VIII в. Сугдея могла на время стать вместо кавказской Никопсией (Nikopseos) центром Зихской автокефальной епархии, которая включала Херсонскую, Боспорскую и Никопсийскую кафедры. Во

всяком случае, notizia де Боора (Даррузе № 3), созданная в своей основе, скорее всего, к концу VIII — началу IX вв., называет центром епархии именно Сугдею, тогда как предыдущие и последующие новости помещали его в Никопсии, которая отождествляется с Нечепсухо, расположенном на территории зихов — джигетов [см.: *Darrouzes 1981, Notitiae 1, № 64, p. 31, note 3; p. 206; Notitiae 2, № 68, p. 218; Notitiae 3, № 84, p. 232; Notitiae 4, № 69, p. 266; Хрушкова 2002, с. 62*].

³ *Le synaxaire armenien de Ter Israel // Patrologiae Orientalis.*— Paris, 1930.— Vol.21.— P. 867.

⁴ Рассказ об этом был впервые включен в составленное в 807 г. Стефаном Диконом Житие Стефана Нового, убитого в 764 / 765 г. [*Stephanus 1864, col. 1181; Герцен, Мораричев 1992, с. 187; Герцен, Мораричев 1999, с. 104*]. А.Л. Бертье-Делагард предлагал понимать в данном случае под Хазарией политический термин, означавший Боспор или земли на южном берегу Крыма, на которые распространялось влияние хазар [*Бертье-Делагард 1920, с. 46*]. Однако нельзя исключить возможность существования миссийного округа в собственно Хазарии, за пределами Таврики, где мог действовать предстоятель без постоянной кафедры или архиерей, время от времени служивший проповеди среди “неверных” наездами с византийской территории, то есть епископ *in partibus infidelium* [ср.: *Кабанец 2002, с. 120*].

⁵ Точкой отсчета может служить либо время правления Феодосия (715–717), либо время патриаршества Германа (715–730) [ср.: *Иванов 2002, с. 43*]. Наиболее близкие к указанным основные хронологические веки биографии Стефана Сугдейского в свое время предложил Фридрих Вестберг на основе критики греческого и славянского текстов Жития [*Вестберг 1908, с. 228–233*].

⁶ Уже само наличие крестов не позволяет видеть в этих предметах некие языческие талисманы, которые приносили в святилище на берегу бухты “в качестве одного из пожертвований морским богам” [см.: *Шаповалов 2002, с. 276–279, рис. 1: 1–8*].

⁷ Архимандрит Антонин отметил, что “летоисчисление этой любопытной заметки не подлежит сомнению. Оно записано дважды. В первый раз перо писца прорезало пергамен, что и заставило его повторить написанное. В прилагаемом facsimile можно видеть и то и другое письмо” [*Архимандрит Антонин 1863, с. 615, № 135; ср.: Труды В.Г. Васильевского 1915, с. CLXIV; Брун 1880, с. 127*].

⁸ Экономический упадок Сугдеи со второй половины VIII в., постулируемый И.А. Барановым, не вяжется с его же собственными наблюдениями, и, скорее, надуман, дабы “захват города хазарами” выглядел убедительнее [см.: *Баранов 1994, с. 52*].

⁹ Обычно и без достаточных оснований историки считают Бравлина новгородским или даже киевским князем, и это представление давно стало расхожим мнением [ср.: *Веникеев, Артеменко 1992, с. 48*].

¹⁰ Даже если мы имеем дело с обычным агиографическим клише, склонным все гипертрофировать в ту или иную сторону, показательно, что составитель *Жития* выбрал именно такой штамп, свидетельствующий о богатстве, а не о захудалости этого епархиального центра Таврики.

¹¹ Если поход действительно пришелся на 851/852 г., тогда этот вывод отчасти совпадает с мнением Г. Вернадского, А.В. Гадло и К. Цукермана относительно того, что массовое обращение хазар в иудаизм произошло только около 860–861 г., хотя правящая верхушка приняла его значительно раньше [*Vernadsky 1940–1941, p. 76–86; Гадло 1968, с. 64; Zuckerman 1995, p. 237–270*]. Впрочем, надо заметить, основания для такого вывода достаточно гипотетичны [возражения см.: *Chekin 1998, p. 13–34; Shepard 1998, p. 11–34*].

¹² Не был ли это один из тех критических моментов, во время которых, судя по воспоминаниям епископа Митрофана, находившегося в ссылке в таврических краях именно в 850-х гг., херсониты превратились в “обитателей тюрьмы”, боявшихся в прямом смысле высунуть нос за пределы городских стен? В таком случае к нагнетанию тяжелой обстановки вокруг города и в нем самом приложили руку не только хазарские “воеводы” и разбойники — венгры, но и русы-руги, которые, понятно, были для херсонитов не лучше прочих варваров-язычников.

¹³ Уже Фридрих Вестберг указал на то, что *Chersonos kai Vosrogos* могло означать как города, так и области, поскольку такие словоупотребления встречаются, к примеру, у Константина Багрянородного, и резонно добавил: “Мне кажется невысказанным, чтобы русское войско... в один прием завоевало все крымское побережье с такими твердынями, какими были Корсунь и Керчь” [*Вестберг 1908, с. 234*].

¹⁴ В качестве самостоятельной архиепископии Сутдея впервые упомянута в *Нотии*, составленной в начале первого патриаршества Николая Мистика (901–907), которая отражала ситуацию предыдущих ближайших десятилетий [*Darrouzes 1981, p. 53–78, 273–274*].

¹⁵ Четыре склепа VIII — X вв. с внешней стороны куртины XIV Судакской крепости открывший их И.А. Баранов связал с погребенными, обряд захоронения которых нес иудейские и языческие черты [*Баранов 1990, с. 133; Баранов 1991, с. 145–159*]. Эти

“черты” свелись к использованию элементов кладки “в елку” при сооружении дромосов, к наличию в склепе № 1 конского черепа, копыта и черепа барана, а в склепах № 3 и № 4 — остатков кострища поверх тех костяков, что лежали на полу погребальных камер. При этом все остальные черты явно указывали на погребение здесь христиан: крест с расширяющимися лучами, процарапанный по сырой штукатурке, то есть еще во время строительства, железный крест в склепе № 1; обломок бронзовой поясной пряжки с рельефным крестом греческого типа; остатки греческой христианской надписи, скорее всего, погребального характера, процарапанной по сырой штукатурке, крюк в своде для подвешивания лампы или лампадофора, железный кованный крест на груди одного из погребенных в склепе № 4. На этом фоне “остатки жертвоприношения” выглядят явно вторичными, да и появление костей животных не бесспорно является указанием на иудеев и хазар. К примеру, в склепе № 75/1987 г. из западного некрополя Херсонеса вместе с многочисленными погребенными V — VII вв. тоже были найдены на одной из лежанок череп, нижняя челюсть и длинные кости конечностей коня, а кроме того деформированные человеческие черепа, лепные сосуды, использовавшиеся как курильницы, но в целом по устройству и остальному инвентарю это были типичные ранневизантийские погребения [Зубарь, Бунятян, Шевченко л. б]. Кальцинированные человеческие кости из сугдейских склепов тоже могли не иметь отношения к обряду трупосожжения, а быть теми частями костяков, поверх которых оказались позже разложены костры. Сам факт организации трупосожжения внутри небольшой закрытой камеры вызывает подозрение. Полное сожжение человеческого тела требует довольно много горючего материала и продолжительного горения. Поэтому уж если требовалось совершать его, то на открытом пространстве, по крайней мере, перед входом в склеп, куда потом можно было перенести остатки кремации. Таким образом, склепы Сугдеи демонстрируют явные христианские черты и сомнительные языческие, недостаточные для того, чтобы можно было говорить о религиозном синкретизме того и другого [ср.: Майко 2001, с. 39–40, рис. 1]. Наличие в конструкции сугдейских каменных склепов с коробовым сводом на извести элементов кладки *opus spicatum* тем более не может служить основанием для их отнесения к погребальным сооружениям тюркской родовой знати, даже принявшей христианство. Этот строительный прием усвоили и местные каменщики. В немногочисленном погребальном инвентаре черты, характерные исключительно для салтовских памятников, крайне немногочисленны, и в целом все обнаруженное носит явный провинциально-византийский облик. Наличие же поминального храма над одной из подземных усы-

пальниц с многоярусными погребениями, которую неверно называть костницей, указывает, что сооружение имело характер типичного ромейского мартирия [ср.: Баранов 1994а, с. 28; Майко 2002, с. 149–154, рис. 1–3].

¹⁶ Ныне принято считать, что к концу IX в. пределы Хазарии не заходили на запад далее Дона. Ибн Русте, отразивший ситуацию, сложившуюся к 880-м гг., указывал, что между “страной печенегов”, находившейся тогда уже на правом берегу Дона, и “землей хазар” “10 дней пути по степи и лесам”, причем без торных дорог и прямых путей, а “от хазар до Серира (Страны гор — Аварии)” — “12 дней пути по степи”, то есть при любых понятиях дня пути (пешего или верхом) речь шла о нескольких сотнях километров — от 250 до 700 [см.: Михеев, Тортика 2000, с. 154, 160–161]. Что касается Боспора, то совершенно очевидно, что хазар уже не было в нем в 873–875 гг., когда архиепископ Боспора Антоний писал патриарху Фотия о богоугодном решении крестить всех боспорских иудеев, очевидно, желая лишний раз подчеркнуть, что разделяет политику василевса Василия I в отношении обязательного крещения евреев в Византии [*Photii Patriarchae...* 1983, p. 132; Могаричев 2001, с. 273]. Подобная акция, как неоднократно подчеркивали исследователи, была бы совершенно немыслима в городе, удерживаемом хазарским гарнизоном и, следовательно, оставшемся под властью хазар, уже массово принявших иудаизм [ср.: Якобсон 1964, с. 55; Константин Багрянородный 1989, с. 334, комм. 1 к гл.11; Айбабин 1997, с. 8]. Впрочем, отсутствие в самом Боспоре хазар еще не означает, что они все ушли из Крыма, якобы были вытеснены оттуда венграми, как полагает К. Цукерман и исследователи, разделяющие его мнение. Все праболгарские объекты восточной части Таврики существовали без изменений на протяжении второй половины IX — первой половины X вв. Неизменной оставалась материальная культура. Кочевнические же погребения Причерноморья, связываемые с венграми, датируются не раньше середины X столетия и неизвестны в Крыму [см.: Майко 1998а, с. 14].

¹⁷ Стоит заметить, что поход Песаха не имеет надежных датировок, а если Сугдею все же отнести к числу трех городов, разгромленных хазарским военачальником, тогда следуя указанию Кембриджского анонима, она должна была принадлежать “Роману”, то есть византийскому императору, и, значит, рассматривалась как ромейский, а не праболгарский город.

